

Op84
M34
A-3M1808

ВЛАДИСЛАВ НАУМОВ

ЖЕРТВЫ

Op 84
M 34
Op 84

84 (2 = 411.2) 64-4

ВЛАДИСЛАВ НАУМОВ

ЖЕРТВЫ

Рассказы

ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ
ЭКЗЕМПЛЯР

2-371808

Государственное бюджетное
учреждение культуры
«Оренбургская областная универсальная
научная библиотека им. Н.К. Крупской»

Оренбург
2017

кр

ДАНИЛКА

* * *

С самого детства я жил в городе. В обычном девятиэтажном панельном доме, каких тысячи по всей стране. В квартале у дома стояло высокое, метров десять, синее здание детско-юношеской спортивной школы, неподалеку от него — одноэтажный Дом детского творчества из красного кирпича. Справа от ДЮСШ, или «дюшки», как мы ее называли, — хоккейная коробка, перед которой раскинулась большая детская площадка с горками, качелями, лавочками.

В этом дворике мы росли, знакомились, играли. Всегда на площадках гуляли дети с родителями, пока подростки в «коробке» играли в футбол или хоккей. Вечерами на этой же площадке распивала пиво молодежь постарше. В общем, самый обычный квартал.

* * *

Раздается пронзительное пищание — открылась подъездная дверь, оттуда выходит женщина лет тридцати на вид. Она среднего роста, с крепкой, сильной фигурой. У нее длинные, до лопаток, каштановые волосы, карие глаза и доброе улыбчивое лицо. Перед ней из двери выбегает мальчонка, ему шесть. У него темные волосы, карие, как у мамы, глаза, острый, чуть вздернутый нос и худое лицо. Пока мальчик бежит вприпрыжку к качелям, попутно срубая палкой цветы одуванчиков на газоне, мама выкатывает простенькую синюю коляску, в которой спит еще один мальчик. Это семья Просквириных. Мама — тетя Наташа, старший сын Коля и младший — Данилка.

Мы были соседями по лестничной клетке и жили на шестом этаже. Мама всегда мне говорила, что Наташа — моя тетя. На самом деле мы не были родственниками, хотя моя мама всегда пыталась отыскать хоть какие-то кровные узы в наших генеалогических древах, чтобы объяснить, почему же наши семьи так прекрасно общались почти с первого дня знакомства.

Наташа стала Просквириной девять лет назад, когда познакомилась с работником сталеплавильного завода Петром Просквириным,

приехавшим в город из села Зеленогорского, что находится в трехстах километрах отсюда. Петр, как только окончил школу в селе, приехал учиться в индустриальный техникум. Окончив, сразу пошел на завод. Через год познакомился с Наташей, а через три они сыграли свадьбу и начали жить у родителей Наташи. Через год после свадьбы Петр ушел в армию — отсрочка по учебе кончилась, а по здоровью сняли на повторном медицинском освидетельствовании, чему сам Петр был рад. Пока он служил, Наташа продолжала работать на швейной фабрике и откладывала деньги. Когда Петр вернулся, он устроился обратно на завод и твердо решил, что пора жить самостоятельно. Спустя три месяца Просквирины купили маленькую двухкомнатную квартиру, заняв деньги у родственников и родителей, потратив все сбережения и оформив небольшой кредит. Спустя десять месяцев, в январе, родился Коля.

Мы с Колей были ровесниками и часто играли вместе, пока моя мама общалась с тетей Наташей, сидя на кухне. Мы часто ходили семьями друг к другу в гости. Жизнь их из-за обилия долгов и кредитов была, конечно, тяжелой. В обстановке квартиры чувствовалась бедность. Но им хватало. Они не голодали, не ходили оборванными и, в общем, не бедствовали. Не говоря уже о том, что, обретя свой угол и сорванца Колю, прекрасного, здорового во всех отношениях (чем очень гордился Петр), выглядели неимоверно счастливыми.

Петр лично занялся воспитанием Коли. Воспитывал по-армейски, жестко, но любя. Он хотел, чтобы Коля стал военным. Коля не был против. Спорт ему нравился. Особенно по вкусу ему пришелся бокс, куда отец отдал его с шести лет. К этому времени Просквирины уже смогли рассчитаться с кредитом. Родители им долги простили, оставалось только отдать деньги родственникам.

В это же время летом, в июне, у них родился второй сын — Данилка. Первые полтора-два года жизнь их и дальше текла тихо, спокойно, радостно. Но когда Данилке исполнилось два, а он так и не начал ни говорить, ни ходить, Наташа, испугавшись, кинулась водить его по врачам. Вскоре ему поставили диагноз «имбецильность тяжелой формы». Для Просквириных это стало ударом. Наташа долгое время не могла прийти в себя и плакала, днем прижимая к груди маленького Данилку, а ночами бормотала себе под нос молитвы и снова плакала. Петр пытался ее успокоить, но сам в глубине души был зол. Он был простым сельским парнем, и врачебные формулировки о врожденности и генах не могли изменить его мнения о причине беды. Он не

высказывался открыто, но винил во всем Наташу. Она досталась ему не девственницей, и в этом он видел корень проблем: она была чем-то больна, или заразилась, или еще что-нибудь, но виновата была точно она. Петр читал где-то, что на ребенка влияют гены того, кто лишил женщину девственности, и немного этому верил. Он не знал, что следует делать в такой ситуации. Отдавать ли в детдом, лечить ли. Наташа же твердо решила сделать все возможное, чтобы постараться исцелить Данилку. Она целыми днями ходила по врачам. Большинство из них говорили, что делать выводы еще рано, нужно ждать.

Петр смирился с намерениями жены и даже корил себя за свои мысли. Но холод в отношении Данилки полностью скрыть ему бы не удалось, и поэтому он полностью погрузился в воспитание Коли. С каким-то остервенением он гонял его на турниках и брусьях, заставлял бегать и отжиматься, учил правильно наносить удары руками и ногами. Коле, которому было уже восемь, это нравилось больше, чем школа.

Наташа же, держа в сердце обиду на мужа, уделяла все время Данилке. На работе она перешла на полставки. В свободное время читала мальчику книжки, играла с ним, разговаривала.

Спустя еще два года повторные анализы и проверки показали, что диагноз был верен. Врачи утешали Наташу тем, что медикаментозно можно попробовать улучшить ситуацию. Наташа уцепилась за эту надежду и тратила все деньги на лечение. Помимо того, что кормила сына лекарствами, она водила Данилку на иппотерапию, лечебные массажи, занятия у логопедов и детских психологов, тратя на это большие для их семьи деньги. Муж злился на Наташу из-за того, что все свое время она уделяет Данилке, но прикрывал эту злость заботой о старшем сыне:

— Хоть пару часов в день уделяй и Коле тоже! Он может подумать, что у него матери и нет вовсе!

Наташа виновато соглашалась. Ласкала старшего сына, но вскоре снова возвращалась к Данилке, а тот лишь глупо улыбался, пуская слюни на футболку. Он вообще всегда улыбался. Странно скрючивался, очень неровно, неуклюже ходил. Так, будто тело его не слушалось. Иногда начинал громко кричать и ломать игрушки вокруг себя, а затем так же неожиданно успокаивался.

Прошло еще два года. Наташа, измученная постоянной заботой о младшем сыне, ссорами с мужем и финансовыми проблемами, все равно пыталась найти способы помочь Данилке. Сначала она поды-

скала ему специализированный садик, потом школу. Определила его в коррекционный класс. Но из всех вариантов, к которым она прибегала, помогла только иппотерапия — Данилка перестал скрючивать спину, начал ровнее ходить, а еще логопед — мальчик начал произносить несколько слов, даже предложений. Но большинство новых выражений, которым учила его мама, он очень быстро забывал.

Коля, которому было уже двенадцать лет, возненавидел Данилку из-за страшной ревности. Он думал, что Данилка отнял у него мать. Он не понимал, что его брат болен. Точнее то, что брат болен, было ясно, но почему он страдает от этого, Коля не понимал. Он знал лишь, что мама проводит все время с Данилкой, а ему достается отец, который начал так жестко воспитывать Колю, что тот искал все возможные способы не попадаться отцу на глаза. Вечерами он пропадал с друзьями на улице, а днем — на тренировках в «дюшке». Когда Наташа оставляла Колю одного вместе с Данилкой, старший всегда пытался навредить младшему. Сначала он отбирал игрушки или толкал его, а когда тот падал и начинал плакать, Коля бежал к маме и кричал:

— Мама, мама, там Данилка опять кричит!

И мама кидалась успокаивать младшенького, а Коля еще больше злился. Ему в подобной ситуации отец просто ответил бы:

— Вставай. Ты же мужчина.

После Коля рассвирепел еще сильнее и при каждом удобном случае либо кидал в Данилку игрушками, либо пинал его, ставил подножки, пугал, выскакивая из шкафа или из-за двери. Летом обливал водой из кружки, мазал его одежду песком и грязью. Каждый раз, доведя Данилку до криков, он неизменно прибегал к маме и говорил, изображая заботливого брата:

— Мама, Данилка пил и облился водой!

Или:

— Мама, Данилка споткнулся о конструктор и ударился головой о диван!

Наташа верила, что Коля любит брата, а вспышки гнева объясняла тем, что он мальчик, а они всегда дерутся — это нормально. Наташа любила Колю и винила себя за то, что не уделяла ему времени, но ничего с этим сделать не могла.

Петр же за эти два года поменялся еще более круто. Окончательно утвердившись в том, что жене он стал совсем не интересен и все ее внимание получает Данилка, Петр начал ходить налево. Наташа поначалу не замечала этого, растворившись в заботах о ребенке. После

первых измен Петр стыдился, оправдывая себя тем, что не может совладать со своей мужской природой, но потом это чувство прошло, и он изменял жене уже из чувства мести. Вдобавок ко всему он заметил, что Коля начал его избегать, и тогда, с яростью заключив, что и этот «сучонок бросил родного отца», стал часто встречаться после работы с мужиками с завода, выпивать и регулярно, напиваясь, жестко наказывать Колю за неупеваемость в школе, выплескивая свою злобу.

Однажды зимой я гулял с друзьями на той самой площадке перед катком. Тетя Наташа ушла в магазин, а Данилку оставила на попечение брата. Коля начал катать Данилку с горки. Точнее, как только Наташа скрылась из виду, не катать, а кидать его с горки. Несколько его друзей-боксеров с гоготом поддержали эту идею и закидывали Данилку снежками. Тот, не понимая, что происходит, улыбался, глядя на брата.

Устав скидывать Данилку с горки и снова поднимать наверх, Коля крикнул друзьям:

— Смотрите, пацаны!

Он подбежал к Данилке и, нависая на его головой, снял с него шапку и плюнул ему на голову смачным сгустком слюны вперемешку с соплями. Данилка закрутил головой, но не понял, что произошло. Друзья Коли подбежали и принялись вместе плевать на мальчика. Но не просто плевать, а буквально поливать его сопливыми сгустками. Некоторые, кто не осмелился плевать, закидывали Данилку снежками, заливаясь шакальим смехом. А тот все улыбался и улыбался, наивно глядя брату в глаза.

Я все видел, но побоялся вмешаться, как и остальные дети. Коля был местным авторитетом. Отец и тренер по боксу воспитали его так, что он мог избить любого запросто. И порой он это охотно делал. Он издевался не только над Данилкой, но и над одноклассниками. Разница была в том, что над Данилкой он издевался больше.

Когда Наташа вышла из-за угла и ее заметил Коля, тот резко вскричал:

— А ну отвалили от моего брата! А ну ушли все, а то в морду дам! Мам! Мам!

Наташа с пакетами кинулась к Коле и Данилке, в то время как толпа разбегалась в разные стороны, неистово гогоча.

— Да что ж вы?! Что ж вы?! Данилка, Данилочка, ты весь оплеванный! Да что же вы за сволочи?! Звери вы, а не дети! — кричала тетя Наташа вслед гоготавшей толпе.

— Мам, я пытался, мам! — канючил Коля.

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

Эту книгу Вы можете почитать в Оренбургской областной универсальной научной библиотеке им. Н.К. Крупской по адресу: г. Оренбург, ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 77-92-66